

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ*
**СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ И ВЛАСТЬ,
ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАГМАСЕМАНИКА¹**

Аннотация. Использование концепта власти на уровне общих понятий ведет к парадоксальности и противоречивости теоретических построений политической науки. Без власти индивиды не могут образовать общность, необходимую для достижения блага каждого из них, но при этом любая власть есть ограничение, подавление субъектности. Поэтому политическая власть предполагает формирование некоей смысловой картины мира, которая объясняет и оправдывает порядки, реализуемые этой властью. Такая доминирующая смысловая картина дает основание легитимности власти, консолидации социума, общности идентичности. Она многослойна и подвижна, в ее формировании принимают участие не только политический класс, но и гуманитарные науки, система образования, личный опыт. Предлагается прагмасемантический подход, с позиций которого формирование смысловой картины предстает как каскад интерфейсов (контекстов) смыслообразования, каждый из которых операционализируется как ценностно-регулятивная система (ЦРС). С этой точки зрения политическая власть предстает как ЦРС, которая для обоснования влияния на упорядочение других претендует на доминирующую смысловую картину мира. Для развития социума при этом важна конструктивная вариативность осмысления действительности и форматы организации власти, способные породить и поддерживать такую вариативность.

* **Тульчинский Григорий Львович**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия); профессор департамента государственного администрирования Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: gtul@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 22-18-00591) «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Тем самым и в политической теории необходим переход от оперирования общими абстракциями к конструктивному пониманию процессуального и операционального характера политики применительно к конкретным социумам с учетом их актуальных проблем и исторического опыта. Данная тематика приобретает нетривиальное значение в наши дни, когда радикально меняются форматы ЦРС в управлении, бизнесе, науке, образовании, искусстве, личной жизни. Современные информационно-коммуникативные технологии в цифровом формате обеспечивают широкий доступ к источникам и каналам информации, открывая возможность непосредственной презентации и трансляции мнений, оценочных переживаний, эмоционально окрашенных образов. При этом государство получает исключительные возможности контроля за содержанием этих информационных потоков, а также за их пользователями. Социальная ответственность, ее содержание, институты ее реализации приобретают новое качество, предьявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, к поведению каждой личности.

Ключевые слова: власть; идеология; политика; прагмасемантика; символическая политика; смысл; смысловая картина мира.

Для цитирования: Тульчинский Г.Л. Смыслообразование и власть, или Политическая прагмасемантика // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 151–169. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.07>

Политика, власть и смысл

Выявление соотношения власти и смыслообразования принципиально важно для оснований политической теории и практики. Политика обычно определяется как деятельность, совокупность средств и методов по урегулированию внешних и внутренних отношений между государствами, нациями, народами, элементами политической системы. А поскольку способность навязывать свою волю другим на протяжении всей истории политической мысли является классической характеристикой власти [Гоббс, 1991, с. 116–127; Weber, 1968, р. 53; Lukes, 2021, р. 26; Даль, 2003], постольку концепция и практика власти оказываются существенным содержанием политики, выражающимся во влиянии группы лиц на других людей, принимающих это влияние вынужденно или добровольно.

Формы власти историчны, но она сама является универсальным феноменом, коренящимся в природе человека как общественного существа. Неспроста история любого общества есть прежде всего история его политической власти. Однако в любом случае власть выступает ограничением или даже блокировкой, «усмирением» личностной субъектности. В неинституционалистской терминологии это означает «ограничение доступа к ресурсам», что

позволяет различать общества с ограниченным и неограниченным доступом к ресурсам [Норт, 1997 ; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2013]. Различение ресурсов, в свою очередь, позволяет говорить о разных типах власти и строить типологии власти – в зависимости от профиля комбинации таких ограничений и нормативностей. Так, М. Вебер различал три типа власти – в зависимости от ключевой роли традиций, харизматичности лидера и развитой правовой системы [Вебер, 2021]. Согласно А. Кожеву, любая реальная политическая власть предстает в виде конкретной специфической комбинации четырех типов доминирования: происхождения, порождения власти (власть Отца); господства победителя (власть Господина); мудрой идеи (власть Вождя), торжества справедливости (власть Судьи). Эти четыре компонента присутствуют практически в любой власти, но выход на первый план одного из них и различные веса представленности остальных позволяет строить конкретные типологические комбинаторики квалификации и анализа. В этой связи А. Кожев выделял помимо четырех чистых типов власти 12 комбинаций двух чистых типов, 24 варианта сочетания трех чистых типов, 24 варианта сочетания четырех типов – итого 64 смешанных типа [Кожев, 2006]. Еще большая степень конкретизации была предложена в прагматической социологии «градов» Л. Болтански и Л. Тевено – в зависимости режима политической власти от этоса доминирующей социальной силы [Болтански, Тевено, 2013].

Не углубляясь в детали таких типологий [Тульчинский, 2015] можно констатировать, что все они предстают выстраиванием определенной доминирующей системы ориентиров в образе жизни, которой руководствуются члены данного социума – как в своих действиях, так и в стоящих за ними стремлениях, надеждах, представлениях о мире, обществе, себе самих. В качестве такой системы ориентиров обычно рассматривается некая идеология, задающая смысловую картину конкретного социума, прежде всего – обосновывающая место и роль власти в жизни этого социума.

Смысл всегда представляется выходом в некий контекст: смысл слова из фразы, смысл фразы – из текста, смысл текста – из контекста его порождения и использования. В качестве контекстов как интерфейсов смыслообразования выступают различные социально-культурные практики, включая политику как *policy* и как *politics*. Дополнительные возможности такого рассмотрения дает

прагмасемантический подход [Zolyan, 2022, p. 247–248 ; Тульчинский, 2022], позволяющий конкретизировать контексты смыслообразования в каскаде интерфейсов социально-культурных практик, которые могут конкретизироваться как ценностно-регулятивные системы (ЦРС), задаваемые ценностно-целевыми, нормативными параметрами, а также способами организации деятельности по достижению целей по соответствующим правилам (нормам) [Тульчинский, 2019]. Действие ЦРС предполагает коммуникацию, порождающую соответствующие дискурсивные практики. А интенсивность и регулярность коммуникации в ЦРС способны поэтапно приводить к институционализации идей от неформального общения вплоть до организационных структур, включая бюрократические. В этом каскаде интерфейсов власть выполняет роль ЦРС, выстраивающей порядки, которые интегрируют социум. Неспорно ключевые ценности политической власти – безопасность, справедливость и свобода – являются базовыми ценностями социогенеза, на которых строятся профили не только политических идеологий, но и различных культур [Инглхарт, 2018 ; Публичные ценности ... , 2014, с. 35–51].

Смысл и политика – глубоко и прочно связанные проявления социального и личностного плана жизни. Человек всегда постигает реальность с какой-то позиции, с какой-то точки зрения, в каких-то целях, в каком-то смысле. Именно смысловая картина мира определяет ценностную шкалу, на которой принимаются решения, включая политические – как самой властью, так и ее подопечными.

Согласно С. Льюксу, власть и ее теория не могут ограничиваться прямым воздействием на поведение людей, принятием решений или отказом от них, чтобы оказывать косвенное влияние. Власть можно осуществлять превентивно, предотвращая недовольство и сопротивление – формируя восприятие, знания и предпочтения. Тем самым обеспечивается принятие власти и ее проявления, поскольку альтернативы им не оказывается, или потому что власть рассматривается как нечто неизменное, естественное и даже полезное [Lukes, 2021]. Политика (и как *policy*, и как *politics*) не только сама выступает осмыслением действительности, но и играет важнейшую роль в осмыслении действительности практически во всех сферах социальной жизни. Более того, выстраивание смысловой картины в целях консолидации социума на основе общей

исторической памяти, образов будущего составляет содержание специальной символической политики.

Символическая политика и смысловая картина мира

В отличие от животного, человеку свойственно строить свое поведение не только генетически определено, но и на основе осмысления прошлого и настоящего, чаяний, надежд, образов будущего. Эти представления обобщаются в нарративах, образах, символах, мифах, что делает возможным понимание и взаимопонимание, абстрагирование, категоризацию, построение сложных рассуждений, планирование действий, поступков, предопределяя даже чувственные восприятия и ощущения [Харари, 2021 ; Lakoff, 2009 ; Edelman, 2013]. Поэтому политическая консолидация социума происходит не столько в результате реализации принятых решений, сколько в процессе их принятия. Именно рациональная и – главное – эмоциональная сопричастность этим решениям, их поддержка консолидируют социум, формируют политическую идентичность, сторонников и т.п.

Более того, саму политику можно и следует изучать как «символическую форму» [Edelman, 1985, p. 2], когда власть, согласно П. Бурдьё, – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира». Тем самым она предстает как «воздействие на мир, а значит, сам мир...» [Бурдьё, 2007, с. 95]. По мнению П. Бурдьё, государство обладает властью «...производить и навязывать категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству» [Бурдьё, 2007, с. 220]. Правящий политический класс не ограничивается формированием и трансляцией некоего идеологического конструкта – он сам действует в рамках задаваемых представлений, приоритетов, целей.

Поэтому выстраивание смысловой картины мира не ограничивается манипулятивными технологиями – оно предстает социальной инженерией конструирования реальности [Бергер, Лукман, 1995], которую Д. Лакофф связывает с когнитивным рефреймингом [Lakoff, 2009]. И современные технологии массовых коммуникаций дают для этого мощные инструменты.

Идеи «мягкой силы» (*soft power, smart power*) [Nye, 2004 ; Nye, 2008], «символической власти» [Бурдье, 2007], упоминавшейся «символической политики» (как *symbolic politics*, так и *symbolic policy*) не только активно обсуждаются, осмысляются, но и – что самое главное – активно используются в решении политических задач различного уровня, включая реформы и революции, гражданские и межгосударственные конфликты. Речь идет о широком наборе технологий и инструментов: традиционные и новые СМИ, дискурсивные практики, идеи, образы, нарративы, знаки, изображения, образы, брендинг (стран, регионов, лидеров, программ, проектов), специальные события (праздники, церемонии, конкурсы, фестивали, выставки, соревнования и т.п.) [Герасимов, 2022]. Даже экономика все в большей степени предстает производством и потреблением знаков, символов – не только брендов, но маркетизированных симулякров [Мосейчик, 2015].

Собственно, любые (если не все!) феномены социальной реальности (тексты, изображения, личности, природные катаклизмы и проч.) могут выступать инструментами символической политики при двух условиях. Во-первых, они становятся предметом интерпретации в публичном коммуникативном пространстве. Вне публичного пространства они могут быть предметом спецопераций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики. И во-вторых, в этих интерпретациях они связываются с современным контекстом (проблемами, целями). В этом плане прошлое, образы будущего тоже становятся средством символической политики. Вне контекста настоящего они предстают исследованиями, проектированием. Впрочем, лишить их актуального контекста также весьма сложно.

Функционал символической политики важен и широк. Прежде всего, это задание системы социальной мифологии, позволяющей ориентироваться в социальной реальности, обеспечивая «ага-узнавание». Тем самым обеспечивается не только узнавание, но и понимание, объяснение происходящего. На основе этого общего понимания формируется как консолидация социума, так и идентичность индивидов (принадлежность и сопричастность социуму).

Важно и то, что концепты и технологии символической политики, осуществляемой посредством массовых публичных коммуникаций, не только обеспечивают влияние, «мягкую силу», но и открывают теоретические возможности, дают новые инструменты

анализа социальной реальности в конфликтологии, прикладной политологии, социологии и социальной психологии. Более того, эти исследования (модели, аналитики, опросы, статистические данные, их обработка и т.д.) сами становятся компонентами символической политики, потому что предлагают определенные интерпретации, объяснения социальной реальности. Особую роль при этом играет включение их в медийное пространство.

В результате многолетних систематических исследований символической политики [Киселев, 2006 ; Символическая политика, 2012; 2014; 2015; 2016; 2017] все более очевидно проявляется недостаточность трактовки символической политики как одной из функций политической власти, реализуемой коммуникативными средствами. Деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование [Малинова, 2012], сопряжена не только с попытками индоктринации, но и, с учетом и формированием смысловой картины мира, в контексте которой выстраивается система приоритетов в балансе интересов социальных сил, со сценариями поведения носителей этих интересов. И это не линейный односторонний процесс, а встречное движение, в котором обеспечивается решение проблемы легитимности власти.

Символическая политика и формирование смысловой картины мира не сводятся к манипулятивной «игре в одни ворота» – от угроз и насилия до пропаганды и манипулирования [Олейник, 2011]. Как показали исследования, проводившиеся департаментом политологии НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) и РАПН в 2014–2018 гг. на материале исторической памяти [Кочерягина, 2019 ; Тульчинский, 2016 ; Тульчинский, 2018], смысловая картина мира, во-первых, динамична, а во-вторых, реализуется как минимум на трех уровнях со свойственными им лагом динамики и ключевыми акторами. Наиболее подвижен (лаг до трех-пяти лет) уровень, формируемый политиками, медиа, сферой искусств, культурными индустриями. И эта динамика понятна и оправдана – внешние и внутренние обстоятельства достаточно изменчивы, требуют довольно оперативной реакции и осмысления. Общество, как и человек, осмысляет и переосмысляет пройденный путь, заново выстраивая новые перспективы. Менее подвижен уровень, на котором ведущую роль играют гуманитарные и социальные науки, образование. Здесь лаг составляет 10–15 лет – ученые проводят

исследования, представляют их в научных докладах и публикациях. Образовательные программы и учебники также имеют определенную необходимую инерционность. Наиболее устойчив (лаг 25–30 лет, фактически – два поколения) уровень культурной идентичности, на котором ключевую роль играет семейное воспитание, коммуникации в ближнем окружении личности. Для консолидации социума очень важно, чтобы, несмотря на разные скорости изменения, содержание уровней смысловой картины не вступало в противоречие – в противном случае образуется расколотый социум, когда элиты транслируют смысловую картину мира, отличную от культурной идентичности. Таким примером до последнего времени служили Алжир, Мексика, Турция и отчасти Россия.

Таким образом, соотношение власти и смыслообразования оказывается принципиально фундаментальным для политической теории и практики. Доминирующая смысловая картина мира играет принципиально важную роль в конфликтах исторической памяти, информационных (смысловых) войнах как критерий «правильной интерпретации» в квалификации фейков [Фейки ... , 2021]. Особый интерес представляет роль смысловой картины мира в приходе к власти меньшинства и последующем формировании новой элиты по определенным качествам [Даль, 2003]¹.

Парадоксальность объяснения / оправдания власти

Перебрав практически все используемые в наше время политические концепции и идеологии, В.П. Макаренко показывает, что любая концепция, идеология, объясняющая и оправдывающая власть, не самоценна, и в том числе для самой власти. Главное – реализация влияния, обеспечение принятия власти, ее легитимность, и для достижения этой цели может использоваться любая идеология, ее модификации, трансформации. К этому выводу автор приходит в результате очень подробного рассмотрения трансформации марксизма на этапах освоения этого учения российскими социал-демократами, включая этапы: оформления и борьбы за

¹ См. также: Талев Н. Побеждает наименее толерантный: как работает диктатура меньшинства. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2017-11-07/nassim-taleb-kak-rabotaet-diktatura-menshinstva-257087> (дата посещения: 19.02.2023).

доминирование ленинской трактовки, ее трансформации в ходе событий 1917 г., Гражданской войны, установления светской власти, строительства нового государства, существенных трансформаций марксизма-ленинизма в предвоенный и послевоенный периоды [Макаренко, 2021, т. 2]. В ходе борьбы за власть, ее удержание большевики и советские коммунисты не ограничивали себя теоретическими и идеологическими рамками, легко отказываясь от одних идей и адаптируя другие. Этот кейс очень нагляден своей динамикой, хотя аналогичная пластичность свойственна практически любому политическому режиму.

В развитии своего анализа В.П. Макаренко неожиданно, но вполне закономерно в плане последовательности проводимой аналитики приходит к проблеме политической теодицеи – оправдания Бога перед лицом противостояния злу: как оправдать Всеблагую, Всезнающую, Всемогущую и Всесильную сущность в допущении ею зла [Макаренко, 2021, т. 5, с. 93–128]. Действительно, если Господь обладает полным влиянием на происходящее, включая дела человеческие, то он может рассматриваться как воплощение полной, абсолютной власти. И как тогда понять и оправдать несовершенства и зло, творимое в подвластном ему мире? Получается модельный кейс по отношению к объяснению и оправданию власти несомыми ею благами социуму.

В случае абсолютной власти или власти как таковой мы сталкиваемся с отождествлением двух крайних трактовок – «власти для» (общего блага) и «власти над» (как блага для власти), наиболее ясно выраженных соответственно Х. Арендт и К. Шмиттом. Нередко эти две точки зрения абсолютизируются до взаимоисключения, что порождает «сущностную спорность» политической власти [Lukes, 1991; 2003 ; Ледяев, 2001]. Анализ концепта власти на уровне общих понятий ведет к парадоксальному аналогу теодицеи.

Можно провести прямую аналогию между теорией множеств и теорией власти. Любое множество определяется свойством, объединяющим элементы этого множества. Так и власть – ключевая характеристика и фактор образования социума, задания его упорядоченности. Без власти индивиды не могут образовать общность, необходимую для достижения блага каждого из них (выжить, продолжить род, самореализоваться), но при этом любая власть есть ограничение, подавление субъектности.

Любая концепция объяснения власти, исходящая из абстрактных характеристик благополучия социума и его членов, впадает в противоречие, подобное парадоксу множества всех множеств, популярной версией которого является парадокс о брадобрее, который должен брить всех мужчин селения, которые не бреются сами; и должен ли он брить самого себя – если да, то не должен, а если нет, то должен. Политическая наука оказывается в ситуации сродни ситуации с кризисом оснований математики, когда на упомянутом парадоксе множества всех множеств Б. Расселом была показана противоречивость математики и была предложена теория типов – способа языкового выражения, различающего уровни описания. Позже это в теории истины А. Тарского привело к различению языка объектного и метаязыка, что позволило избежать парадоксы типа Лжеца (лжет ли тот человек, который говорит, что он лжет и более не говорит ничего – если он лжет, то он говорит истину, а если не лжет, то он лжет). Однако К. Гёдель в своей знаменитой теореме объяснил слабость теории типов, противоречивость любой содержательной теории, что открыло в основаниях математики дорогу конструктивизму, сводящему теоретические концепты к алгоритмам построения соответствующих объектов. В конечном счете именно такой подход воплотился в алгоритмизации, программируемости, цифровых технологиях, определяющих современную цивилизацию.

Осмысление власти, наделение ее конкретными характеристиками, выражающими представления о добре и зле – удел не предельных абстракций, а конкретных людей в конкретных ситуациях. Похоже, именно в этом ключ разрешения парадоксальности власти, ее «сущностного противоречия». Так, рассмотрев возникающие в теодицее власти парадоксы, В.П. Макаренко приходит к выводу, что к Господу не применимы этические, моральные и прочие характеристики оценки власти. Фактически речь идет об аналоге теоремы Геделя в политической науке. Политическая жизнь и политическая теория оперируют достаточно содержательными языками и, пытаясь описать себя, с неизбежностью оказываются противоречивыми. Наделение абсолютной власти как таковой морально-этическими характеристиками – суть претензии на знание мотивации Господа, этакое человекобожие. Но человеку, существу конечному, не дана полнота божественного знания бесконечного сущего. Человек всегда постигает мир с какой-то пози-

ции, точки зрения, в каком-то смысле. Смысл – сугубо человеческое измерения бытия – не больше, но и не меньше. А упования наши на Господа и его волю, как отмечал И. Кант, должны быть настолько полными, что не должны его примешивать к нашим делам. Поэтому оценки власти, отношение к власти – дело именно и сугубо человеческое.

Для легитимности, для формирования, реализации и удержания власти необходима именно ее содержательная характеристика, роль которой выполняет доминирующая смысловая картина мира, идеология. И тогда понятно, почему для любой власти (как в рамках государства, так и религии, научной школы) важна не столько борьба с врагами (реальными или вымышленными), сколько – с инакомыслием, борьба за чистоту рядов, являющаяся борьбой за само существование этой власти. Всякое сомнение в доминирующей смысловой картине мира, предложение иных осмыслений предстает для существующей власти как «семиотическое вредительство» [Архипова, Михайлик, 2017].

Такая «смысловая зачистка» может привести к формированию социума, в котором для утверждения власти осмысление обязательно, где доминирование оказывается самодостаточным. При этом общество, редуцированное до состояния инфантильной безответственности, готово принять любую предлагаемую смысловую картину мира на прошлое, настоящее и будущее, предлагаемую правящим политическим классом. Тем самым фактически полностью перекаладывая на этот класс ответственность за происходящее и транслируя встречный запрос на «грозность к непокоривым».

Более того, в современной цифровизированной цивилизационной среде власть не только несколько иначе расставляет акценты в выполнении традиционных функций, но и придает им радикально новый формат – например, секьюритизации всех сфер общественной жизни, обеспечения безопасности не только военной, но и информационной, экологической, биологической, демографической, экономической, финансовой, пищевой, образовательной и т.д., что по-новому ставит вопрос об осмысленном ее обосновании. Рассуждения Ж.-П. Сартра, а потом М. Фуко о человеческом бытии как «бытии-под-взглядом» буквально технологически воплощаются в «общество надзора» [Lyon, 1994] в духе классической дистопии Е. Замятина. В таком обществе снимается

вопрос о динамике смысловой картины мира, образа будущего – дело сводится к технологическому воспроизводству сложившегося порядка. И это уже вопрос об основаниях не только политической теории или даже социально-гуманитарных наук, но и человеческой цивилизации в целом, для которой различение «власти над» и «власти для», динамики смысловой картины мира (до сих пор было) нетривиально и существенно.

Гиперсемиотизация власти и конструктивные перспективы

В этом плане реализуемый в последнее время тренд «нормализации мысли» в современной культурологии и политологии, преодолении концептуального разнообразия, многообразные практики «отмен» – проявления тренда «гиперсемиотизации». По сути, речь идет о подавлении субъектности, которая была и остается универсальным интерфейсом смыслообразования – прокреации и преадаптивности, обеспечивающих динамику развития цивилизации [Человек как открытая целостность ... , 2022].

Современные информационно-коммуникативные технологии в цифровом формате обеспечивают широкий доступ к источникам и каналам информации, открывая возможности непосредственной презентации и трансляции мнений, оценочных переживаний, эмоционально окрашенных образов. При этом государство получает исключительные возможности контроля за содержанием этих информационных потоков, а также за их пользователями. Социальная ответственность, ее содержание, институты ее реализации приобретают новое качество, предъявляя новые вызовы и запросы к морали и праву, к каждой личности.

В этой связи особую роль играют два фактора. Во-первых, история становления власти и формирования соответствующей политической культуры. В этом процессе ключевую роль играет не просто некая сложившаяся культура, предопределяющая все последующее развитие общества в духе концепции *culture matters* [Харрисон, 2008 ; Культура имеет значение ... , 2002], а именно траектория, этапы становления конкретного социума (*history matters*), которые формируют и иногда меняют его культуру [Травин, 2021]. Это уже не отнесение к некоей категории (множеству), не этикетки-

рование, а конкретное, пошаговое прослеживание становления социума, а значит, и возможности его дальнейшего развития.

Кстати, такой конструктивистский подход уже проявляется в социальных науках, включая экономику и политологию [Тульчинский, 2017]. Так, согласно неоинституционализму, главный интерес представляет не просто необходимость социальных институтов, а проблема их возникновения и развития, если не выращивания [Асемоглу, Робинсон, 2015 ; Норт, 1997 ; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. И в любом случае – как естественной эволюции, так и сознательного реформирования – одной из задач становится трансформация смысловой картины мира. Решать эту задачу можно двояким путем. Прежде всего, это сменяемость самой власти, когда другие партии, социальные силы предлагают новые ориентиры и решения. Собственно, именно этому и служит процедура выборов. Если в силу каких-то причин эта процедура не работает, то сама власть прибегает в смене курса, опираясь на новые идеи и новых акторов. Каждый путь не однозначен. В первом случае имеется опасность прихода к власти носителей популистской идеологии, способной привести общество к деградации, включая гипертрофию бесполезной бюрократии. Во втором случае разрастание все той же бюрократии может тормозить принятие необходимых решений и привести общество к революционной ситуации с перспективой серьезного катаклизма. Но в обоих случаях сущностной проблемой является синхронизация динамики политического режима и смысловой картины мира.

Примером такой асинхронности и ее последствий является советский опыт, когда декларируемая и транслируемая смысловая картина мира и соответствующий антропологический идеал были ориентированы на ответственную активную жизненную позицию по справедливому переустройству мира. Однако в реальности советский режим чем дальше, тем во все большей степени прибегал к практикам регламентации и контроля поведения и социальной жизни в целом.

В результате у нескольких поколений советских людей выработались представление и привычка, что все проблемы – от производственных и политических вплоть до личных – можно решать только «вертикально», т.е. посредством обращения, жалобы, доноса в «инстанции». Эта неспособность решать свои проблемы самостоятельно, «горизонтально» – во взаимодействии с другими –

сформировала устойчивый синдром выученной беспомощности в сочетании со столь же устойчивой недоговороспособностью на всех уровнях.

Как итог: даже в наше время практически все – в бизнесе, в политике, в личной жизни – решают проблемы и конфликты в формате игр с нулевой суммой, демонстрируя неумение и нежелание идти на компромиссы. А тысячи подготовленных в постсоветское время медиаторов – специалистов-посредников в разрешении конфликтов, включая досудебный уровень, не находят применения. И дело не только в противодействии адвокатов и судебных работников, для которых медиаторы – нежелательные конкуренты, или просто в недоверии к посредникам со стороны граждан. Сами эти противодействия, недоверие – проявления закрепления «двойной морали», «расщепленного сознания», когда декларируемые ценности и нормы рассогласованы с реальной практикой.

Представляется, что в настоящее время мы имеем дело с интенсивным общецивилизационным процессом столкновения смысловых картин мира, латуровской пересборки социально-культурных практик, что требует – особенно применительно к политической сфере – инжиниринга, основанного не на абстрактных представлениях и моделях, а на конкретном учете элементной базы каждого социума: от культурно-исторического опыта и реальных проблем до общности интересов социальных сил и акторов, выражения их политической воли.

G.L. Tulchinskii*

Power and making of meaning, or political pragmasemantics¹

Abstract. Political power abstract concept using leads to paradoxicality and inconsistency in the theoretical constructions of political science. Without power, individuals cannot form a community necessary to achieve the good of each of them, but at the same time, any power is a restriction, suppression of subjectivity. Therefore, political power presupposes the formation of a certain semantic picture of the world, which explains and justifies the orders implemented by that power. Such a dominant

* **Tulchinskii Grigorii**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia); HSE University (Saint Petersburg, Russia), e-mail: gtul@mail.ru

¹ This research is supported by the Russian Science Foundation under grant No. 22-18-00591.

semantic picture of the world provides the basis for the legitimacy of power, the consolidation of society, and common identity. It is multi-layered and fluid; and its formation involves not only the political class, but also the humanities, the education system, and personal experience. This process can be represented by the pragmasemantic approach as a cascade of interfaces (contexts) of meaning formation, each of which is operationalized as a value-regulatory system (VRS). From this point of view, the political power appears as the main VRS, which, in order to justify its influence on the ordering of others, claims to have the dominant semantic picture of world. However, society development needs the constructive variability of the reality comprehension and needs the power organization formats, capable of generating and maintaining such variability. Thus, political theory also needs a transition from operating with general abstractions to the constructive understanding of the procedural and operational nature of politics as applied to specific societies, taking into account their current problems and historical experience. Nowadays, this topic acquires a non-trivial significance, when the formats of the VRS in management, business, science, education, art, and personal life are radically changing.

Keywords: power; ideology; politics; pragmasemantics; symbolic politics; meaning; semantic worldview.

For citation: Tulchinskii G.L. Power and making of meaning, or political pragmasemantics. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 151–169. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.07>

References

- Arkhipova A., Mikhajlik E. Dangerous signs and Soviet things. *New literary review*. 2017, N 143 (1), P. 130–153. (In Russ.)
- Asemoglu D., Robinson J.A. *Economic origins of dictatorship and democracy*. Moscow: HSE Publishing House, 2015, 512 p. (In Russ.)
- Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Moscow: Academia, Medium, 1995, 323 p. (In Russ.)
- Boltanski L., Thévenot L. *Criticism and justification of justice. Essays on the sociology of cities*. Moscow: New Literary Review, 2013, 576 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Sociology of social space*. St.Petersburg; Moscow: Aletheia, 2007, 288 p. (In Russ.)
- Dahl R.A. *Democracy and Its Critics*. Moscow: Rosspen, 2003, 576 p. (In Russ.)
- Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence*. Chicago: Academic Press, 2013, 198 p.
- Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: Univ. of Illinois press, 1985, 232 p.
- Gerasimov S.V. *Special events as triggers of sociocultural processes*. St.Petersburg: Aletheia, 2022, 492 p. (In Russ.)
- Gobbes T. *Works in 2 volumes. Vol. 2*. Moscow: Mysl, 1991, 731 p. (In Russ.)
- Harari Yu.N. *Sapiens. Brief history of humankind*. Moscow: Sinbad, 2021, 520 p. (In Russ.)

- Harrison L. *Who Thrives? How cultural values contribute to economic and political success*. Moscow: New publishing house, 2008, 300 p. (In Russ.)
- Harrison L., Huntington, S. (eds). *Culture matters. How values contribute to social progress*. Moscow: MShPI, 2002, 320 p. (In Russ.)
- Inglehart R. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Moscow: Mysl, 2018, 347 p. (In Russ.)
- Kiselev K.V. *Symbolic politics: power vs. society*. Ekaterinburg: Publishing House "Discourse-Pi", 2006, 132 p. (In Russ.)
- Kiyashchenko L.P. (ed.) *Man as an open integrity: a collective monograph*. Novosibirsk: Academizdat, 2022, 530 p. (In Russ.)
- Kozhev A. *The concept of power*. Moscow: Praxis, 2006, 192 p.
- Kocheryagina E.P. *Cinema as an instrument of symbolic politics in Russia 2000–2017: experience in the formation of historical memory*. *Public Policy*, 2019, Vol. 3, N 1, P. 61–74. (In Russ.)
- Ledyayev V.G. *Power: a conceptual analysis*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 384 p. (In Russ.)
- Lyon D. *The electronic eye: the rise of surveillance society*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994, 290 p.
- Makarenko V.P. *Collected works in 5 volumes*. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2021. Volume 1. – 628 p.; Volume 2. – 661 p.; Volume 3. – 638 p.; Volume 4. – 657 p.; T. 5. – 661 p. (In Russ.)
- Lakoff G. *The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics*. New York etc., 2009, 320 p.
- Lukes S. *Moral Conflict and Politics*. Oxford: Clarendon Press, 1991, 324 p.
- Lukes S. *Liberals and Cannibals*. London: Verso, 2003, 192 p.
- Lukes S. *Power: A Radical View. 3rd ed.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2021, 204 p.
- Malinova O. Yu. *Symbolic policy: contours of the problem field*. *Symbolic policy. Issue. 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2012, p. 5–16. (In Russ.)
- Moseychik G.I. *Economics of semiotics as an economics of vices and virtues of the post-modern era*. *Economics of vices and virtues*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015, P. 68–69. (In Russ.)
- North D. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: FEK Nachala, 1997, 180 p. (In Russ.)
- North D., Wallis D., Weingast B. *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting the written history of humankind*. Moscow: Gaidar Institute, 2011, 480 p. (In Russ.)
- Nye J.S. Yr. *The Powers to Lead*. New York: Oxford University Press, 2008, 248 p.
- Nye J.S. Yr. *Soft Power: The means to Success in World Politics*. New York Public Affairs, Perseus books Group, 2004, 191 p.
- Olejnik A.N. *Power and the market: The system of socio-economic domination in Russia in the "zero" years*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 437 p. (In Russ.)

- Public values and public administration: Collective monograph.* Moscow: Aspect-Press, 2014, 400 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 1: Designing ideas about the past as a powerful resource* / ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2012, 334 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 2: Disputes about the past as the design of the future* / ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2014, 382 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 3: Political functions of myths.* /ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2015, 372 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 4: Social construction of space* / ed.by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2016, 371 p. (In Russ.)
- Symbolic policy. Issue 5: Identity policy* / ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2017, 356 p. (In Russ.)
- Travin V. Ya. *Why is Russia behind?* St. Petersburg: St.Petersburg European University, 2021, 368 p. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Historical memory, heritage and education. *Heritage.* 2018, N 1 (12), P. 8–15. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Narration in Symbolic Politics: Levels and Diachrony. *Symbolic Policy. Issue 4: Social construction of space* / ed.by O. Yu. Malinova. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2016, P. 65–83. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. *The Body of Freedom: Responsibility and Embodiment of Meaning.* St. Petersburg: Aletheia, 2019, 470 p. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. (ed.) Fakes: communication, meanings, responsibility. Collective monograph. St. Petersburg: Aletheia, 2021, 288 p. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Explanation in political science: constructivism vs positivism. *Public Policy.* 2017, N 1, P. 76–98. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Justice and justice: types of justice, power and related conflicts. *Man. Culture. Education.* 2015, N 2 (16), P. 52–75. (In Russ.)
- Tulchinskii G.L. Pragmasemantics of digital communications: semantic pictures of the world, value-regulatory systems and responsibility. *State and citizens in the electronic environment. Issue 6.* St. Petersburg: ITMO, 2022, P. 9–23. (In Russ.)
- Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology.* New York: Bedminster Press, 1968, 1469 p.
- Weber M. *Politics as a calling and a profession.* Moscow: Ripol classic, 2021, 130 p. (In Russ.)
- Zolyan S. On pragma-semantics of expressives. Between words and actions. In: Haselow A., Hancil S. *Studies at the Grammar-Discourse Interface.* Amsterdam: J. Benjamins Publ., 2021, P. 245–271.

Литература на русском языке

- Архипова А., Михайлик Е.* Опасные знаки и советские вещи // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 143 (1). – С. 130–153.
- Асемоглу Д., Робинсон Д.А.* Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: ИД ВШЭ, 2015. – 512 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М.: Academia, Медиум, 1995. – 323 с.
- Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. – М.: НЛЮ, 2013. – 576 с.
- Бурдьё П.* Социология социального пространства. – СПб.; М.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия. – М.: Рипол классик, 2021. – 130 с.
- Герасимов С.В.* Специальные события как триггеры социокультурных процессов. – СПб.: Алетейя, 2022. – 492 с.
- Гоббс Т.* Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – 731 с.
- Даль Р.* Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН. 2003. – 576 с.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. – М.: Мысль, 2018. – 347 с.
- Киселев К.В.* Символическая политика: власть vs. общество. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. – 132 с.
- Кожев А.* Понятие власти. – М.: Праксис. 2006. – 192 с.
- Кочерягина Е.П.* Киномагистр как инструмент символической политики в России 2000–2017 гг.: опыт формирования исторической памяти // Публичная политика. – 2019. – Том 3. – № 1. – С. 61–74.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: МШПИ, 2002. – 320 с.
- Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
- Макаренко В.П.* Собрание сочинений: в 5 т. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – 2021. – Том 1. – 628 с.; Том 2. – 661 с.; Том 3. – 638 с.; Том 4. – 657 с.; Т. 5. – 661 с.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.
- Мосейчик Г.И.* Экономика семиотики как экономика пороков и добродетелей эпохи пост модерна // Экономика пороков и добродетелей. – СПб.: СПб ГУ, 2015. – С. 68–69.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: ФЭК Начала, 1997. – 180 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Институт Гайдара, 2011. – 480 с.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 437 с.

- Публичные ценности и государственное управление: Коллективная монография / под ред. *Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой*. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 400 с.
- Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 334 с.
- Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего / гл. ред. *Малинова О.Ю.* – М.: ИНИОН РАН, 2014. – 382 с.
- Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов. / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – 372 с.
- Символическая политика. Вып. 4: Социальное конструирование пространства / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – 371 с.
- Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичности / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 356 с.
- Травин В.Я.* Почему Россия отстала? – СПб.: ЕУ СПб., 2021. – 368 с.
- Тульчинский Г.Л.* Историческая память, наследие и образование // Наследие. – 2018. – № 1(12). – С. 8–15.
- Тульчинский Г.Л.* Нарратив в символической политике: уровни и диахрония // Символическая политика. Вып. 4. Социальное конструирование пространства / гл. ред. *О.Ю. Малинова*. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 65–83.
- Тульчинский Г.Л.* Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 76–98.
- Тульчинский Г.Л.* Прагмасемантика цифровых коммуникаций: смысловые картины мира, ценностнорегулятивные системы и ответственность // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 6. – СПб.: ИТМО, 2022. – С. 9–23.
- Тульчинский Г.Л.* Справедливость и справедливости: типы справедливости, власти и соответствующих конфликтов // Человек. Культура. Образование. – 2015. – № 2(16). – С. 52–75.
- Тульчинский Г.Л.* Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. – СПб: Алетейя, 2019. – 470 с.
- Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность: коллективная монография / С.Т. Золян [и др.]; под ред. Г.Л. Тульчинского. – СПб.: Алетейя, 2021. – 288 с.
- Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2021. – 520 с.
- Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. – М.: Новое издательство, 2008. – 300 с.
- Человек как открытая целостность: коллективная монография / *Л.П. Киященко* (отв. ред.). – Новосибирск: Академиздат, 2022. – 530 с.